

Как из тимьяна не сделаешь наконецник для копья, так и хорошего воина из Сократа.

Демохар¹

Сплетение тем правды и памяти, войны и победы жизни над смертью принадлежит к числу неотъемлемых и существенных характеристик античного мира, начиная с эпических текстов Гомера, воспевающих «неувядаемую славу» (Homerus, Ilias, IX, 413) героев, бившихся под стенами Трои в незапамятные времена, и заканчи-

вая «Житиями» христианских святых, утверждавших в иных поколениях память о славе Христовой. Замечательным текстом, в котором архаика Древней Эллады как бы смыкается с новым веком одолевшего мир христианства, представляется текст свидетельства о Гераклите Эфесском бл. Феодорита, еп. Кир(р)ского, из сочинения «Исцеление эллинских недугов»: Theodoretus, Graecarum affectionum curatio, VIII, 39; 41 [=] Heraclitus, fr. 97a№ + 96a№ + 74b№ Marcovich: «Убитых на войне Гераклит считает до-

стойными всяческих почестей. «Убитых Аресом, — говорит он, — боги чтут и люди». А также [говорит Гераклит] «одним лишь более великим выпадает на долю лучший удел»; «стало быть, согласно Гераклиту, следует почитать не всех павших в бою, а лишь тех, кто с радостью принял смерть за благочестие. Ибо только они, по Гераклиту, и впрямь «одни лишь более великие». Почему и изведывают «лучший удел»; и ныне им почёт от всех людей, и вечные венцы их ожидают»; «очень меня удивляет высказывание Гераклита: «Людей ожидает после смерти то, чего они не чают и не воображают»². Последнее, удивившее бл. Феодорита высказывание Гераклита, как известно, с одной стороны, отсылает нас к таинствам Элевсинских богинь³, с другой — к орфической богословской традиции⁴, — то ли каким-то таинственным образом оказавшей влияние на учение Гераклита⁵, то ли загадочным образом как-то самой испытавшей его воздействие⁶. На орфической костяной пластинке № 2 из погребения в древней Ольвии (Северное Причерноморье, сер. V в. до н.э.)⁷, отчётливо можно видеть пять слов, за исключением пятого составляющих пары противоположностей: «МИР-ВОЙНА, ИСТИНА-ЛОЖЬ. ДИОН-ИСУ>». Согласно учению Гераклита (fr. 77a Marcovich ap. Hippolytum, Refutatio omnium haeresium, IX, 10, 8), «бог» — это «день-ночь, зима-лето, война-мир, избыток-нужда». Муд-

¹ Demochares, fr. 3 Baiter-Sauppe ap. Athenaeum, V, 55, 215 C; I, p. 477, 4 – 6 Kaibel.

² Пер. А.В. Лебедева. См.: Фрагменты ранних греческих философов. Часть I: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Издание подготовил А.В. Лебедев. М., 1989. С. 244 – 245; 235 (Памятники философской мысли). Далее: [ФРГФ].

³ Cf. Heraclitus, fr. 74bI Marcovich ap. Clementem Alexandrinum, Protrepticus, 2, 22, 1 – 2; I, p. 16, 21 – 24 Stählin: «Обряды, достойные ночи и огня и «отважного», а точнее, суетного «народа потомков Эрехтея», да и прочих эллинов, которых «ожидает после смерти то, чего они не чают!» Кому прорицает Гераклит Эфесский?» [ФРГФ]: С. 235. См. также: Merkelbach R. Zwei neue orphisch-dionysische Totenpösse // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, 76, 1989, S. 15 – 16.

⁴ Orphicorum fr. 454 – 456 V; II, fasc. 1, p. 382 – 384 & 1145 T; II, fasc. 2, p. 548 Bernabù. См.: Poetae epici Graeci. Testimonia et fragmenta. Pars II: Orphicorum et Orphicis similium testimonia et fragmenta, fasc. 1 – 2. Edidit A. Bernabù. Monachii et Lipsiae, 2004 – 2005 (Bibliotheca Teubneriana).

⁵ Reinhardt K. Parmenides und die Geschichte der griechischen Philosophie. 2. Aufl. Frankfurt a. M., 1959, S. 198 – 199; Macchiore V. Eraclito. Nuovi studi sull'Orfismo. Bari, 1922 (Biblioteca di cultura moderna, 107).

⁶ Kirk G.S., Raven J.E. & Schofield M. The Presocratic Philosophers. 2. ed. Cambridge, 1983, p. 208, n. 1; Gigante M. Una nuova lamella orfica e Eraclito // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik, 80, 1990, S. 17 – 18.

В последнее время стало принято говорить о взаимном влиянии орфиков на Гераклита и Гераклита на орфиков. См. например: Sider D. Heraclitus in the Derveni Papyrus // Studies on the Derveni Papyrus, eds. by A. Laks A. & G.W. Most. Oxford, 1997, p. 147 – 148; Betegh G. The Derveni Papyrus: Cosmology, theology, and interpretation. Cambridge, 2004, p. 325 – 348.

⁷ Orphicorum fr. 464 T; II, fasc. 1, p. 391 Bernabé.

рость, говорит Гераклит (fr. 26a Marcovich ap. Hippolytum, ibid. IX, 9, 1), заключается в том, чтобы «знать всё как одно»: видеть в спокойствии мира войну, а в войне предугадывать обещание мира — признак подлинной мудрости и умудрённого благочестия. Смерть в мирной жизни для подобного человека — это словно бы смерть на войне, обещающей славу в посмертном существовании. То «божество», или «daimôn», которое в жизни людей образует их собственный «нрав», или «ум», или меру их «счастья» (греч. eudaimonia), после смерти мудрого благочестивого мужа освобождается из-под тесной опеки частного опыта как бы «дремлющего» «большинства»¹, чтобы, «бодрствуя»,

оставаться на страже единого общего мира для живых и мёртвых: Heraclitus, fr. 73a Marcovich ap. Hippolytum, ibid. IX, 10, 6: «[Мудрым суждено] будучи в Аиде восставать [от сна смерти] и становиться наяву стражами живых и мёртвых»².

Гераклитовский образ истинного мудреца, как бы бодрствующего на своём боевом посту и напрямую общающегося с внутренним «божеством», составляющим собственную его природу, в античном предании был впечатляюще воплощён в фигуре Сократа, простоявшего якобы целую ночь в глубокой задумчивости и неподвижности в лагере во время осады афинянами Потидеи (432/431 гг. до н.э.)³. Авл Геллий рисует карти-

ну почти мифологическую (Aulus Gellius, II, 1, 2—3): «Говорят, он часто стоял неподвижно весь день и ночь от восхода до восхода солнца, не смыкая глаз, без движения, на одном и том же месте, обратив лицо и взор в одну точку, погружившись в размышления, так, словно его разум и дух в это время неким образом отходили от тела»⁴. Вместе с этим глухой отголосок слов Гераклита, вызвавших радость и удивление со стороны бл. Феодорита Кир(р)ского, отчётливо слышен, в передаче Платона, в последних словах заключительной речи Сократа перед собранием судей, судивших его по обвинению в том, «что не чтит богов, которых чтит город, а вводит новые божества; а также повинен в том,

Смерть Сократа. Жак Луи Давид, 1787

¹ Heraclitus, fr. 1a, iv Marcovich ap. Sextum Empiricum, *Adversus mathematicos*, VII, 132; fr. 49a Marcovich ap. Clementem Alexandrinum, *Stromata*, III, 21, 1; II, p. 205 Stählin – Früchtel; fr. 48b Marcovich ap. Clementem Alexandrinum, ibid. IV, 141, 1–2; II, p. 310 Stählin – Früchtel.

² [ФРГФ]: С. 235.

³ Diogenes Laertius, *Vitae philosophorum*, II, 23. Подробный анализ античных свидетельств о воинской службе Сократа в годы Пелопоннесской войны см. в издании: Düring I. *Herodotus the Crateteian. A Study in Anti-Platonic Tradition*. Stockholm, 1941, p. 41–46 (*Kungl. vitterhets historie och antikvitets akademins handlingar*, del. 51, 2).

⁴ Цит. по изданию: Авл Геллий. *Античные ночи. Книги I–X*. СПб., 2007. С. 101 (*Bibliotheca Classica*).

Битва при Марафоне (Барельеф)

что растлевает юношество» (Diogenes Laertius, II, 40), произнесённой сразу же после вынесения смертного приговора (Plato, *Apologia Socratis*, 42a 2—4): «Но вот уже время идти отсюда, мне — чтобы умереть, вам — чтобы жить, а кто из нас идёт на лучшее, это ни для кого не ясно, кроме бога»¹.

Тема правды и памяти звучит уже в самом начале платоновской «Апологии Сократа» (Plato, *ibid.* 17a 1—3): «Как подействовали мои обвинители на вас, о мужи афиняне, я не знаю; что же меня касается, то от их речей я чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили». Однако, — настаивает Сократ, — «они не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите её всю» (*ibid.* 17b 7—8)². Тема войны и смерти звучит отчётливо в самом конце (*ibid.* 38e 2—39a 1): «Но и тогда, когда угрожала опасность, не находил я нужным сделать из-за этого что-нибудь рабское, и теперь не раскаиваюсь в том, что защищался таким образом, и гораздо скорее предпочитаю умереть после такой защиты, нежели оставаться живым, защищавшись иначе. Потому что ни на суде, ни на войне, ни мне, ни

кому-либо другому не следует избегать смерти всякими способами без разбора»³. Опасность, о которой Сократ говорит вначале, это опасность неминуемой гибели на полях сражений, в которых ему когда-то довелось участвовать — под Потидеей, при Делии (424/423 г. до н.э.) и при Амфиполе (422 г. до н.э.), первое из которых закончилось для афинян бесславной победой, а последние два — жестокими поражениями. «Было бы ужасно, о мужи афиняне, — напоминает Сократ, обращаясь к судьям, — если бы, после того как я оставался в строю, как и всякий другой, и подвергался опасности умереть тогда, когда меня ставили начальники, вами выбранные для начальства надо мною, — при Потидее, Амфиполе⁴ и Делии, — если бы теперь, когда меня поставил сам бог, для того, думаю, чтобы мне жить, занимаясь философией, и испытывать самого себя и других, если бы теперь я испугался смерти или ещё чего-нибудь и бежал из строя» (*ibid.* 28d 10—29a 1)⁵. В платоновской речи Сократа опасность, очевидно грозившая ему в годы кровавых сражений, и опасность, теперь

угрожавшая в мирное время в ходе судебного разбирательства, — обе по-своему равноценны и достойны друг друга. В годы войны и в условиях мира Сократ — это всё тот же Сократ, безразличный к различию между войной и миром. Как некогда в лагере под Потидеей, так и сейчас на суде, он послушен своему божеству (греч. *daimonion*), как кажется, спасшему и укрепившему его когда-то, так и теперь не позволяющему бежать. В противовес лжи обвинений Платон выставляет образ философа, правда которого сохраняется в памяти поколений философов, вопреки насмешливому Демохару, племяннику Демосфена, бывших способными видеть связь между тимьяном (поистине фимиамом) и острием копья, как когда-то, ещё до Сократа, эфесский мудрец смог увидеть гармонию между луком и лирой (Heraclitus, fr. 27 Marcovich).

á

¹ Пер. М.С. Соловьёва. См.: Платон. Собрание сочинений, том I: Апология Сократа. Издание подготовили А.А. Глухов, Ю.А. Шичалин. М., 2000. С. 69. Далее: [Апология Сократа]. Об иных соответствиях и совпадениях в текстах античных свидетельств о Сократе и Гераклите см.: Мельников С.А. SWKRATHS HRAKLEITIZWN // Историко-философский альманах, вып. 2. М., 2007. С. 23—41.

² [Апология Сократа]: с. 3.

³ [Апология Сократа]: с. 61.

⁴ Платон — единственный автор, сообщающий об участии своего учителя в этом сражении, что уже в античные времена неоднократно служило ещё одним дополнительным доказательством в пользу нередко высказывавшего подозрения в намеренном искажении им подлинных исторических обстоятельств. Cf. *Athenaeus*, V, 55, 215 E; I, p. 477, 18—20 Kaibel: «У какого историографа или какого поэта об этом сказано? И где у Фукидида хотя бы единожды упоминается этот платоновский воин Сократ?»

⁵ [Апология Сократа]: с. 34—35.